

ОБРАЗОВАНИЕ В ГОРОДЕ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ И СМЕХ

СОФИСТИЧЕСКИЕ РЕЧИ В «МЕДЕЕ» ЕВРИПИДА И
«ОБЛАКАХ» АРИСТОФАНА *

В.К. ПИЧУГИНА

Еврипид и Аристофан творили там и тогда, когда выдвигаемые оригинальные педагогические идеи обсуждались не менее оригинальным образом. Интеллектуалы того времени сделали много для того, чтобы Афины классического периода оказались в ироничном педагогическом треугольнике: Еврипид, Аристофан и Сократ с софистами. В разных долях соединяя трагическое и комическое, Еврипид и Аристофан акцентировали внимание на разнице между традиционным и софистическим образованием и представляли эту разницу как сложную проблему, для которой нет простого решения на уровне обычного человека. Сравнительный историко-педагогический анализ трагедии Еврипида «Медея» и комедии Аристофана «Облаках» позволил открыть еще одно направление для изучения возможностей взаимного проникновения жанров. Еврипид и Аристофан участвовали в развернувшейся полемике о Сократе и софистах через особое изображение семей с детьми, члены которых делятся на говорящих и слушающих в пространственных координатах города и дома. Еврипид и Аристофан включают в свои сочинения агоны между носителями справедливых (несофистических) и несправедливых (софистических) речей, в которых затрагиваются вопросы образования. Главные герои проигрывают в этих агонах и понимают, что их проблемы не

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (апрель, 2023).

могут быть решены, даже когда они пытались использовать софистические приемы. Это понимание вынуждает их переходить от слов к делам — преступлениям, с помощью которых удастся показать полису опасность софистического образования. Опыт параллельного историко-педагогического прочтения трагедии Еврипида «Медея» и комедии Аристофана «Облака» сопровождается обращением к другим сочинениям Еврипида и Аристофана, а также сочинениям Платона и Ксенофонта, где присутствуют прямые указания или намеки на педагогику Сократа и / или софистов.

В полемике о Сократе и софистах сломано и будет еще сломано не мало исследовательских копий. Прибегая к математической метафоре можно сказать так: считающие Сократа софистом образуют одно множество, не считающие — второе. Если множеств два, всегда можно найти их пересечение, а потом добавить третье и даже четвертое. Таким третьим для нас будет являться Еврипид, а четвертым — Аристофан, которые внесли вклад в спор о знаке равенства между софистической и сократической педагогиками, обсуждаемыми в трагедиях и комедиях.

Аристотель в «Поэтике» указывал, что разница между комедией и трагедией в том, что первая стремится подражать тем, кто хуже (χειρόυς), а вторая — тем, кто лучше (βελτίους) (Arist. *Poet.* 1448a). Уточняя сущность жанра комедии, он пишет о подражании людям, которые хуже, и употребляет φαυλοτέρων (Aristot. *Poet.* 1149a)¹. Вероятно, применительно к Аристофану речь могла идти не о «плохих», а об «обычных» людях², которых, по Аристотелю, не должно было бы быть в трагедиях. Однако такое жесткое деление трагедии и комедии на противоположные жанры могло быть в текстах, но не на сцене. Неслучайно Аристофан, изображая или цитируя Еврипида, постоянно указывает на то, что тот включает в трагедию обыденные сюжеты (οἰκεῖα πράγματ', Ar. *Ran.* 959), а также «софистическую риторику, исследующую обычно табуи-

---

¹ Сравнительная степень, род. падеж, мн. числа от φαῦλος — плохой, дурной, злой, негодный, простой, низкий, ничтожный, слабый).

² См.: Zumbrennen (2004); Пичугина (2017).

рованные вопросы»¹. Самого Аристофана также можно упрекнуть в том, что он включал в комедию слишком героические сюжеты: например, когда комический агон между Эсхилом и Еврипидом напоминает ссору Ахиллеса и Агамемнона².

Возможность взаимного проникновения жанров подчеркивает ряд современных исследователей, называя Еврипида первым драматургом, сочинившим трагикомедию³, а Аристофана — автором, который принес в комедию элементы трагедии⁴. В разных долях соединяя трагическое и комическое, драматурги указывали на сложность проблемы, с которой столкнулось афинское образование и невозможность ее простого решения на уровне обычного человека. Выдвинем гипотетическое предположение, что эта демонстрация осуществлялась через особую абсолютизацию пары «город-дом», когда говорящие софистическими речами герои одерживают верх над другими героями, которые, проиграв в словесном агоне, переходят от слов к делам. В рамках данной статьи будет представлен опыт параллельного историко-педагогического прочтения трагедии Еврипида «Медея» и комедии Аристофана «Облака», где герои вступают в этот агон в пространственных координатах города и дома соответственно. Такое прочтение будет сопровождаться обращением к другим сочинениям Еврипида и Аристофана, а также сочинениям Платона и Ксенофонта, где присутствуют прямые указания или намеки на Сократа и / или софистов.

---

¹ Rosenbecker (2003). P. 285.

² Эта комическая карикатура делает Еврипида как минимум «искусственным в софистических речах» (Harriott (1962). P. 4) и как максимум «софистом худшего типа» (Tarkow (1982). P. 10). Повышенное внимание Аристофана к Еврипиду было хорошо воспринято его аудиторией, но дало возможность комическим соперникам Аристофана изображать его «чрезмерно интеллектуальным софистом» (Zuckerberg (2016). P. 166).

³ Seidensticker (1982). S. 244; Gregory (1999–2000). P. 59-74.

⁴ Не только в переносном, но и в прямом смысле: Аристофан более ста раз прямо цитировал Еврипида, ссылаясь, как минимум на сорок его трагедий, а также косвенно указывая на его персонажей и сюжеты. См. об этом: Harriott (1962). P. 1-8.

***Сократические и софистические речи:
между серьезным и смешным***

Начнем с того, что интерес к деятельности софистов и Сократа возник в Афинах классического периода, то есть там и тогда, когда ученые и философы были «менее почтительны друг к другу», чем мы склонны думать; они «любили посмеяться над собой»¹. Узнавая, обсуждая, принимая, отвергая или развивая идеи друг друга, они любили открыто или скрыто иронизировать над собой или своими оппонентами, когда дело касалось образования². Ирония Еврипида и Аристофана была следствием прочных связей с интеллектуалами своего времени, выдвинувшими оригинальные педагогические идеи и изменившими образовательную практику своего времени.

Еврипид был старшим современником Сократа, но никогда не был его учеником; старший софист Протагор был сверстником Еврипида, но драматург не был в кругу его почитателей. Традиция сохранила сведения о том, что современники Еврипида подозревали, что его тексты были написаны в соавторстве с его рабом Кефисофонтом или даже с Сократом. Острее всех, разумеется, на эту тему высказался комедиограф Аристофан:

Внимай, народ! По древнему обычаю
На площади попойка. Победителю —
Мех толщиной с пузо Ктесифонтово³.

(Аг. *Ach.* 1000-2; пер. Адр. Пиотровского)

В комедии «Лягушки» комедиограф не только обращает внимание на влияние Сократа на содержание трагедий Еврипида, но и ставит знак равенства между сократическими и софистическими речами:

Не сидеть у ног Сократа,
Не болтать, забыв про муз,
Позабыв про высший смысл

---

¹ Rihll (2003). P. 168.

² Именно к этому нас приучили, например, диалоги Платона и Ксенофонта, героями которых были Сократ и софисты.

³ В переводе Адр. Пиотровского приводится другой вариант написания имени Κηφισοφῶν: не Кефисофонт, а Ктесифонт.

Трагедийного искусства, —
В этом верный, мудрый путь.
Слов громоздких и пустых
Городить забор воздушный,
Празднословьем заниматься —
Это могут лишь глупцы.

(*Ag. Ran.* 1490-9; пер. Адр. Пиотровского)

Аристофан приводит этот фрагмент после того как указал на опасность Алкивиада, назвав его львенком, которого опрометчиво воспитывают в городе (*Ag. Ran.* 1431-1432). Воспитателем, конечно же является Сократ, который, выбрал в ученики человека, который является сторонником демократии только на словах. Это указание Аристофана, вероятно, является ответом Еврипиду, который защитил ученика (и, конечно же, учителя) в трагедии «Просительницы» через речи Тесея и его приближенных. Один из героев трагедии намекает Тесею¹, что ученику Сократа никак нельзя встать на ложный путь: «Дается совесть добрым воспитаньем; / Стыдится муж, постигший добродетель, / Стать негодяем. Можно обучить / И доблести, внушая детям слушать / И повторять, что незнакомо им. / Всю жизнь при нас — усвоенное с детства; / Воспитывайте тщательно детей» (*Eur. Supp.* 911-917; пер. И. Анненского). Для афинского зрителя не было секретом, что Еврипид был почитателем красоты и таланта Алкивиада, поэтому преподнесенный таким образом нравственный урок не мог остаться незамеченным. Еврипид желает Алкивиаду добиться цели и править Афинами, но именно как демократический лидер, а не тиран.

Снова возвращаясь к повышенному вниманию Аристофана к Еврипиду, отметим, что комедиограф часто выражал свое отношение к софистическому образованию через ссылки на творчество Еврипида. Однако он не рассматривал Еврипида как «литературного софиста», поскольку не мог не видеть, что в ключевых моментах тот «в корне противоречит софистике»². В комедии «Облака» молодой герой, увлекшись софистикой, выбирает поэзию

---

¹ О том, что Тесей в этой трагедии соединяет черты Перикла и Алкивиада, см.: Michelini (1997). P. 177-84.

² Wycherley (1946). P. 105.

Еврипида, отвергая старомодных Симонида и Эсхила. Когда в комедии Аристофана «Лягушки» Дионис в состязании за звание первого трагика Греции выбирает Эсхила, а не Еврипида — это выбор между традиционно надежным и тем, что Аристофан считает инновационно опасным, то есть воплощением «софистического сомнения»¹, своеобразным рупором Сократа. Осмелимся утверждать, что Аристофан симпатизирует Еврипиду в той мере, которая ему необходима, чтобы обличать софистику. Аристофан не превращает Еврипида в софиста самого худшего типа, как он делает это с Сократом, а использует его фигуру для рассуждений об удобоваримом образовании, предполагающем овладение словом. Ничего не написавший и оперирующий устным словом Сократ кажется Аристофану опаснее, чем оперирующий письменным словом Еврипид с его трагедиями. Возможно, Аристофану кажется, что устное слово является более легкой мишенью, чем письменное: его легче исказить при передаче знания от наставника к ученикам. Именно такое искажение, по мнению Аристофана, и делает софистику опаснейшим типом образования.

Указание на возможность агона в присутствии Диониса включено и в диалог Платона «Пир», где Сократ предстает в необычном виде: умытый и в сандалиях он направляется на ужин к Агафону, от которого сбежал накануне, испугавшись многолюдного сборища (Pl. *Symp.* 174a). Агафон говорит Сократу: «Немного погодя, взяв в судьи Диониса, мы с тобой еще разберемся, кто из нас с мудрей, а покамест принимайся за ужин!» (Pl. *Symp.* 175e; пер. С.К. Апта).

По косвенным признакам мы можем предположить, что у Сократа не было претензии к тому, как видит его учение Еврипид². Сократ смотрел в театре постановки Еврипида и, хоть иногда и эмоционально выражал несогласие с увиденным (Diog. *Laert.* II.33), ценил за мудрость и поэтический дар (Ael. *VH.* II.13). Между

---

¹ Scharffenberger (2007). P. 234.

² К Аристофану у Сократа, вероятно, было больше претензий. Римский софист Элиан Клавдий настаивал на том, что «Облака» являлись комедией, написанной о заказе обвинителей Сократа и привлечшей зрителей необычностью стиля: высмеиванием тех, кто прославился мудростью или добродетельной жизнью (Ael. *Ep.* II.13).

«ценить» и «творить под чужим именем», безусловно, большая пропасть, над которой мы можем лишь наводить гипотетические мостики. Один из таких предлагает Дж. Молин, подчёркивающий, что между Еврипидом и Сократом мог иметь место «довольно гегелевский обмен мнениями»: тезис Еврипида, который заключался в словах Медеи (*Eur. Med.* 1077-1080) из одноименной трагедии, привел к антитезису Сократа, который спровоцировал опровержение Еврипида в трагедии «Ипполит» (*Eur. Hipp.* 373-402)¹. Он подчёркивает, что словам Медеи не хватает философской общности слов Федры, вне зависимости от того, имел ли Еврипид в виду Сократа, когда писал «Медею», или нет.

Диоген Лаэртский указывает на четыре сообщения о том, что Сократ помогал Еврипиду в написании трагедий: два сообщения Мнесилоха, сообщение Каллия из «Пленников» и сообщение Аристофана из «Облаков». Диоген Лаэртский приводит последнюю цитату о Сократе, которой нет в дошедшем до нас тексте комедии Аристофана «Облака»: «Для Еврипида пишет он трагедии, / В которых столько болтовни и мудрости» (*Diog. Laert.* II.5.18; перевод М.Л. Гаспарова). Здесь Диоген использует тоже слово «мудрость» (*σοφός*), которое Аристофан употребляет в «Облаках» и которое, как указал К. Мур, означает «вдумчивость» (*Ar.Nub.* 522, 1057), «здравый смысл» (*Ar.Nub.* 520, 526, 535, 575, 899) и «интеллектуальный успех» (*Ar.Nub.* 94, 1202, 1207, 1370, 1378) и лишь изредка «простую умность» (*Ar.Nub.* 764 и 773, 895)². Диоген Лаэртский также сообщает о роли Еврипида и софистическом дебюте Протагора. Указав, что Протагор прочитал свое первое сочинение — «О богах» — в Афинах, в доме Еврипида, Диоген Лаэртский сразу же дал еще два возможных места, где это могло бы быть, и оговорился, что это мог быть и не сам Протагор (*Diog. Laert.* IX. 8. 54).

Отметим сильную, если не избыточную, опору на Аристофана в оценке жизненного и творческого пути Еврипида³, а также в

¹ Moline (1975). P. 45.

² Moore (2015). P. 536.

³ Аристофана даже считают предшественником или, возможно, создателем «биографического подхода» к интерпретации трагедий Еврипида (Scharffenberger [2015]. P. 5). См. об этом также: Roselli (2005). P. 3; Knobl (2008) и др.

оценке его стремления участвовать в обсуждении софистического образования. Существует точно такая же — сильная, если не избыточная, опора на Платона и Ксенофонта в оценке жизненного и педагогического пути Сократа и его полемики с софистами. Возникает искушение утверждать, что сочинения современников дают нам возможность обнаружить «настоящих» Еврипида, Сократа и софистов, особенно когда они говорят софистическими речами или слушают их, представляя слишком городскими (гуляют по улицам) или, напротив, слишком домашними (ходят в гости или принимают гостей).

Так, в диалоге Ксенофонта «Пир» Калий, про которого в «Апологии» Платона сказано, что он «переплатил софистам денег больше, чем все остальные, вместе взятые» (Pl. *Ap.*20a; пер. С.К. Апта), приглашает Сократа и его друзей на обед, используя «язык, который звучит как фальшивая похвала»¹. Сократ не оставляет это без внимания, упрекая Калия в том, что тот постоянно насмеялся над ними, считая самоучками в философии, и много денег потратил на обучение у Протогора и Горгия, считая их профессиональными учителями мудрости. Калий соглашается и говорит: «...я прежде скрывал от вас, что могу говорить много умных вещей, а теперь, если вы у меня будете, я покажу вам, что заслуживаю полного внимания» (Xen. *Symp.*6). Иными словами, Калий готов продемонстрировать то, чему его обучили софисты, но «должен сначала преодолеть препятствие» и «это препятствие — Сократ»². С одной стороны, Калий — один из тех софистов³, кто ищет общения с Сократом, а с другой — хочет, чтобы это общение было разговором равных. Сократ же постоянно выводит собеседников из себя, оскорбительно иронизирует⁴ или грубит¹. Софисты

---

¹ Blanchard (2000). P. 439.

² Blanchard (2000). P. 439.

³ Так, в «Апологию» Ксенофонта включен рассказ о нескольких диалогах Сократа с софистом Антифоном, инициатором которых был последний.

⁴ В «Пире» Платона Агафон — афинский трагик и младший современник Еврипида — упрекает Сократа в этом (Pl. *Symp.*175e; пер. С.К. Апта), когда тот рассуждает о возможности мудрости перетекать между людьми при общении.

в лице Калия хотят обратить внимание на то, что Сократ слишком увлекается использованием риторических штампов, которые делают его оскорбительно надоедливым, а не оригинально мудрым. То есть, «афинским оводом» именно как вызывающей неприятные ощущения мухой, а не провоцирующим интеллектуалом. Желание Калия и других софистов общаться с Сократом может быть объяснено в диалоге «Протагор» Платона, где великий софист подчеркивает, что люди должны образовывать сообщества и уважать друг друга (Pl. *Prt.* 322b-d). Сократ же позиционирует себя как наставника-одиночку: хотя он такой же чужак для афинян как и софисты², образовать с ними педагогическое сообщество и поддерживать уважительное общение он не хочет.

На то, что речи Сократа одинаковы по форме и содержанию, намекает Гиппий: «Ты все еще, Сократ, говоришь то же самое, что я давно когда-то от тебя слышал?» (Xen. *Mem.* IV.4.6; пер. С.И. Соболевского). Гиппий, как и Калий, не хочет сразу демонстрировать свою мудрость, предлагая Сократу высказаться (Xen. *Mem.* IV.5). Вероятно, зафиксированное у Платона и Ксенофонта желание софистов именно так строить общение с Сократом связано с тем, что тот «отказывается играть по правилам»; он «не просто раздражитель; он проблема, которая должна быть решена»³. Как я покажу далее, стратегии Калия и Гиппия в общении с Сократом вызывают аналогию со стратегиями героев трагедии Еврипида и Аристофана «Облака», когда главным итогом словесного агона является то, что молчанием не утвердить правоту.

---

¹ В «Апологию» Платона включен рассказ о диалоге Калия и Сократа, начинающегося с ироничной фразы: «Каллий! Если бы твои сыновья были жеребята или бычки и нам предстояло бы нанять для них опытного человека, который сделал бы их еще лучше...» (Pl. *Ap.*20a; пер. М.С. Соловьева). В разговоре с несофистом Аристиппом на близкую тему Сократ намного вежливее: «...если бы тебе пришлось взять двоих молодых людей на воспитание...» (Xen. *Mem.* 2.1.1; пер. С.И. Соболевского).

² Сократ для афинян является «своим» чужаком, а софисты — «чужими» чужаками.

³ Blanchard (2000). P. 440.

Пример ироничного изображения Сократа, желающего играть только по своим правилам, содержится в трагедии «Вакханки» Еврипида. Диалог Диониса с Пенфеем, стилистически напоминает диалоги Сократа с учениками. Еврипид предлагает зрителю сопоставить известного своей специфической внешностью Сократа с его героем красавцем Дионисом, который некогда был обучен таинствам у Зевса и теперь несет эти таинства в Элладу. Дионис пленен Пенфеем и ведет с ним ироничный диалог знающего с незнающим, похожий на те диалоги Платона и Ксенофонта, где главным героем являлся Сократ. Пенфей пытается добиться подробностей о таинствах, которыми обладает Дионис, но тот дает ему информацию ровно в таком объеме, в котором он в состоянии принять: «В каком же роде таинства? Скажи. / О них нельзя непосвященным знать. / А польза в чем поклонникам от них? / Узнать тебе нельзя; но знать их стоит. / Поклонников вербуешь ловко ты! / Нет, таинства извергнут нечестивца» (Eur. *Bacch.* 470-476; пер. И. Анненского). Еврипид показывает сократическую технику «вербовки» учеников: в ходе диалога один вынужден признать ограниченность своего знания перед другим и прийти к мысли о необходимости это знание расширить с помощью наставника. Эту технику детально разбирает Аристофан в комедии «Облака», что будет рассмотрено ниже. Здесь лишь укажем, что в этой комедии дается картина идеального образования для города и акцентируется внимание на маркерах воспитанности молодых людей в прежние времена (*Ar. Nub.* 961-85), то есть когда сократической педагогики еще не было.

Если мы соглашаемся с тем, что Еврипид и Аристофан полемизировали с Сократом и софистами относительно природы добродетели и сущности педагогической деятельности, мы должны выделить и обсудить те драматические приемы, которые убеждали их аудиторию в том, что точка зрения оппонентов неверна. Дж. Молин предполагает, что такой человек как Еврипид должен был полемизировать разумно, то есть не говорить от себя, а использовать такого героя в качестве рупора, чтобы доверие к нему было большим, чем доверие к Сократу¹. Статья Дж. Молина посвящена поиску таких героев, выстроенному как выдвижение кан-

---

¹ Moline (1975). P. 46.

дидата и опровержение его возможности быть таким рупором. Выдвинем гипотетическое предположение, что рупорами у Еврипида и Аристофана являются не отдельные герои, а семьи с детьми, а полемика с Сократом и софистами строится через оппозицию «город-дом». Еврипид и Аристофан используют один и тот же драматический прием: зрителю демонстрируется ойкос, члены которого говорят софистическими речами, желая продемонстрировать другим и полису свою позицию по тому или иному вопросу. Когда говорящий софистическими речами герой побеждает оппонента в споре, тот отказывается от слова в пользу дела (радикального и даже преступного деяния).

Таким образом, Еврипиду как ученику Анаксагора, привыкшему к дозированному распространению мудрости среди достойнейших, не могли нравиться софистические способы ее платного распространения. Рано как и Аристофану — известному защитнику старых ценностей о всех сферах, в том числе и в сфере образования. Поэтому Еврипид и Аристофан не могли оставить афинского зрителя без своих комментариев относительно противостояния Сократа и софистов. Трагедии Еврипида и комедии Аристофана тонко подталкивали читателей/зрителей к смене приоритетов в обучении и воспитании молодежи. Существующая традиция изучения педагогических аспектов их наследия¹ однако, не ставит вопрос о том, что Еврипид и Аристофан действовали на сцене как Сократ на агоре: они инициировали широкое обсуждение реформационных для образования идей и их значения для педагогической практики. Еврипида (как и Аристофана) стоит рассматривать, прежде всего, как драматурга и исследователя современных ему идей, а не как увлечённого полемикой с софистами философа или политического мыслителя²

Обычные люди у Еврипида и Аристофана: город vs дом

В центре комедии «Облака» (постановка 423 до н.э.) находится семья, члены которой хотят видеть софистику средством решения своих проблем. Глава семьи — Стрепсиад — один из тех

---

¹ Criamore (2001); Gregory (2016); Gregory (2019); Michelakis (2002); Rogers (2013); Scharffenberger (2015); Slater (1997); Kastely (1997) и др.

² Allan (1999–2000). P. 145.

«обычных людей», о которых пишет Аристотель. Такой человек может одновременно рассматриваться как угроза для города и как его опора: с одной стороны, он подтачивает основы демократии чрезмерной заботой о повседневных домашних делах в ущерб образованию и политике, а с другой — укрепляет демократию, привлекая внимание к угрозам для нее в образовании и политике¹. Кажется, что у этой семьи нет ничего общего с семьей Ясона и Медеи, которая была представлена в трагедии Еврипида «Медея» (постановка 431 г. до н.э.). Но семья, имевшая героическое прошлое, в настоящем сталкивается с обычными проблемами, нечуждыми для семей, подобных семье Стрепсиада. Семья Медеи и Ясона также является одновременно опорой и угрозой для приютившего их Коринфа, потому что, с одной стороны восхищает горожан необычностью и образованностью, а с другой — такая женщина вызывает у города страх и желание избавиться от нее. Обе семьи задают особое движение внутреннего маятника «полис — ойкос», пытаясь осмыслить и решить свои проблемы. Здесь и далее я буду доказывать, что между героями Еврипида и Аристофана не такая уж большая разница, если сравнивать их как носителей софистических речей.

Обедневший по вине сына, Стрепсиад приходит к Сократу, чтобы обучиться тому, что поможет ему избавиться от сомнений и долгов. Целевые установки ученика не смущают учителя. Сократ изображен Аристофаном «опасно наивным»² лидером школы, в которой соединены учения всех афинских софистов. Аристофан в «Облаках» не называет Сократа софистом³, но очень близко подходит к этому, например, когда желающие обучаться у Сократа отец (Ag. *Nub.*1310) и сын (Ag. *Nub.*1111) названы софистами⁴. Ученики Сократа названы «мудрило-заводилы благородные»/

---

¹ Kastely (1997). P. 25.

² Blanchard (2000). P. 423.

³ Подробный терминологический разбор и обсуждение восемь видов софистов, которые выделяет Аристофан, представлены здесь: Lowell (2006). P. 414-425.

⁴ Д. Дж. Мхире ставит вопрос так: «Не в том ли заключается представление “Облаков”, что неосторожность Сократа опасна для города, потому что он совершенный софист?». См.: Mhire (2006). P. 57.

«μερμινοφροντισταὶ καλοὶ τε κάγαθοί» (Аг. *Nub.* 101; пер. Адр. Пиотровского), а его школа — «мыслительней»/ «фронτιστήριον» (Аг. *Nub.* 94; 128; 142; 181; 1487; пер. Адр. Пиотровского), которая несет «грубое сходство с современным университетом»¹. Комичность действия достигается типовой сценой: пришедшего к Сократу главного героя встречает недружелюбно настроенный раб². После препирательств обыватель получает доступ к интеллектуалу: Сократ предстает качающимся в гамаке мечтателем, телесно и духовно находящимся между землей и небом³. Таким же он пред-

¹ Sandridge (2012).

² Так, в комедию «Ахарняне» Аристофан включил сцену, в которой Дикеополь посещает дом Еврипида (Аг. *Ach.* 393-479), где хозяин сочиняет трагедии, лежа на кушетке с задранными ногами и не желая прерывать творческий процесс ради незваного гостя. Дикеополь, добившись наконец разговора с Еврипидом, просит у него лохмотья — наряд одного из героев его трагедии, чтобы держать речь перед хором. Оценив замысел Дикеополя («Ты разумен, и с догадкой тонкою», Аг. *Ach.* 445; пер. Адр. Пиотровского), Еврипид выпроваживает гостя, который и сам собою доволен («Вот славно, тонких слов я полон доверху», Аг. *Ach.* 447; пер. Адр. Пиотровского). Дикеополь так увлечен подготовкой к софистическим прениям, что забирает у Еврипида практически весь реквизит и, вероятно, листы папируса с набросками. То есть, посещение «мастерской интеллектуала» завешается частичным присвоением продуктов его труда². В комедию «Женщины на празднестве» Аристофан включает сцену с еще одним посещением дома трагического поэта, но Еврипид уже является не хозяином, а гостем у Агафона (Аг. *Thesm.* 29-265). Композиционно оба посещения близки: Еврипид и Мнесилох, как и Дикеополь, являются незваными гостями, которых встречает раб и которые обращаются с просьбой, связанной с произнесением речей и одеждой. Агафон, как и Еврипид, появляется на экиклеме. Удивлённому творческой экстравагантностью поэта Мнесилоху, Еврипид говорит, что был таким же в его годы, на что тот отвечает: «Твое мне не завидно воспитание» (Аг. *Thesm.* 175). Гости также забирают часть вещей хозяина, но не получают его согласия держать речь в защиту Еврипида. Подробное обсуждение примеров комических типовых сцен см.: Whitehorne (2002). Р. 28-35.

³ Сократ в гамаке может интерпретироваться как то, что софистика для Аристофана является опасно оторванным от жизни педагогическим движением. Качание в гамаке, по сути, близко к фантазии о полете

стаёт и у Платона, включившего в начало «Апологии...» речь Сократа, кратко поясняющего суть выдвинутых против него обвинений. Этой речи Сократ говорит, что его обвиняют в том, что он действует как софист: «преступает закон и попусту усердствует, испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же» (Pl.Ap. 19b; пер. М.С. Соловьева). То есть, платоновский Сократ практически также качается в гамаке между землей и небом как и аристофановский, ожидая, когда к нему придут с вопросами или обвинениями. Комический Сократ Аристофана и реальный Сократ Платона, таким образом, спроецировал конфликт между городом и тем, в чем он хотел наставлять горожан.

Медея перед угрозой изгнания также эмоциональна, как и страшющийся взыскания долгов Стрепсиад. Однако если Стрепсиад шагает из города в дом (то есть, в школу Сократа как дом для него и его учеников), чтобы слушать софистические речи, то Медея делает обратный шаг: она покидает дом и выходит в город, чтобы держать софистическую речь перед коринфскими женщинами. Стрепсиад смиренно просит Сократа о понимании и помощи, а Медея гордо заявляет, что не нуждается ни в том, ни в другом (Eur. Med. 210-212)¹. Находясь между полисом и ойкосом, Медея плачет, жалуется, гневается, требует, спорит, просит и карает, но не демонстрирует всей полноты своих волшебных способностей, то есть ведет себя как обычный и не отягощенный героическим прошлым человек, подобный Стрепсиаду. Хотя в Медее

к богам на гигантском навозном жуке — фантазии, которая еще раз подчеркивает то, за что Аристофан критикует сократическое (=софистическое) образование. Еще одним аргументом в пользу этого довода, является то, что ученики Сократа тоже предстают в необычных позах, якобы позволяющих им одновременно изучать небесные тела и подземный мир (Ag. Nub.188-199).

¹ Если искать антипода Медеи не в комедиях, а в трагедиях, то им будет Федра: первая рвётся из дома в пространство города, чтобы донести свою позицию и восстановить свою репутацию хоть и ценой жизни детей, а вторая же таится в пространстве дома и длительное время считает, что лучше «умереть молча, чем опозорить себя и своих детей» (Moline [1975]. P. 54).

течет варварская кровь, она рассуждает и ведет себя как мог бы это делать греческий аристократ V в. до н.э.¹. То есть обыватели (в лице хора) получают доступ к интеллектуалу, являя ситуацию, обратную той, которая представлена у Аристофана. Медея демонстрирует мужское умение держать речь перед аудиторией в пространстве города — умение, которому во времена Еврипида настойчиво предлагают обучить любого желающего софисты. Медея вызывает у хора коринфских женщин одновременно симпатию и страх — эмоции, которые Сократ вызывает у Стрепсиада. Параллельное чтение Еврипида и Аристофана позволяет сделать парадоксальный вывод: Медея, которая «по всем сократовским оценкам прожила явно очень глупую жизнь»², наставляет в жизни город, инициируя диалог с ним и действуя подобно Сократу³.

***Справедливые и несправедливые речи у Еврипида:
традиционное образование vs софистическое образование***

Сходство между трагическим и комическим изображениями софистики проявляется и в том, что Еврипид и Аристофан включают агоны между носителями справедливых (несофистических) и несправедливых (софистических) речей, в которых затрагиваются вопросы образования. В трагедии Еврипида — это диалог Медеи с Креонтом и состоящий из двух частей диалог с Ясоном, а в комедии Аристофана — некоторые рассуждения из диалогов Стрепсиада с Сократом и сыном и спор Правды и Кривды. У Еврипида Медея выступает в разных ролях: в первом диалоге царь, защищая свою семью, оказывается в плену софистических речей Медеи, а во втором — в аналогичный плен попадает сама Медея, вступая в спор с Ясоном. Аналогичным образом ведет себя и Стрепсиад у Аристофана: он то внимает софистическим речам Сократа или сына, то пытается сам отвечать в софистической технике. Медея и Ясон у Еврипида в борьбе с семейными проблемами немного теряют героический статус, а Стрепсиад у Аристофана, напротив, из обычного человека становится немного героем.

¹ Lloyd (2006). P. 115.

² Moline (1975). P. 49.

³ Обоснование того, что Медея действует как Сократ, было дано в статье: Пичугина (2016). С. 514-536.

В споре с Креонтом Медея пытается доказать, что не будет мстить его дочери и изменнику-Ясону. Креонт указывает на то, что по городу идут слухи об угрозах со стороны Медеи. Она начинает плести софистическую сеть, когда с грустью отвечает: это все потому, что она умна, а город глуп и подтверждением тому является то, что в нем реализуется софистическое образование. Здравомыслящие люди, утверждает Медея, не должны давать детям образование, выходящее за рамки обычного, потому что это навлечет враждебность сограждан. Дарение мудрости глупцам ведет к тому, что дарителя будут считать либо глупым или опасно выделяющимся¹. Медея констатирует, что приняла эти правила игры и согласна принять и другие: если ей будет разрешено остаться в Коринфе, она будет молча подчиняться власти (*Eur. Med.* 314-5). Креонт не разрешает ей оставаться в городе и, тем более, утверждать свою правоту молчанием, но дает изгнаннице отсрочку в один день. Эта уступка оказывается роковой, поэтому несправедливая (софистическая) речь Медеи побеждает справедливую (несофистическую) речь Креонта.

Следующим диалогом является диалог Медеи и Ясона. Он начинается с того, что Ясон называет справедливой ценой утрату города и дома за гордыню жены и ее неповиновение царской воле. Медея для окружающих — это женщина-варварка с мужским характером. Об этом ей грубо напоминает Ясон, беря на себя роль наставника жены, которая просит у него защиты от преследований со стороны Креонта: «Во-первых, ты в Элладе / И больше не меж варваров, закон / Узнала ты и правду вместо силы, / Которая царит у вас. Твое / Здесь эллины искусство оценили, / И ты имеешь славу, а живи / Ты там, на грани мира, о тебе бы / И не узнал никто» (*Eur. Med.* 534-541; пер. И. Анненского). Его речь схожа с речью Тесея из трагедии Еврипида «Просительницы», который, взвешивая просьбу Адраста о помощи, излагает софистический взгляд на историю развития общества, которая идет от грубости к цивилизованно-

---

¹ В русском переводе ее обличительная речь имеет несколько иные смысловые оттенки: «Если смыслом / Кто одарен, софистов из детей / Готовить он не будет. Он не даст / Их укорять согражданам за праздность...» (*Eur. Med.* 293-296; пер. И. Анненского).

сти (Eur. *Supp.* 201-13). Ясону, как и Тесею, предстоит понять, что любое представление о жизни может проиграть реальной жизни, где могут быть отвергнуты мольбы отцов и просьбы матерей.

Ясон утверждает, что нет большей победы для варварки, чем признание греками ее мудрости (σοφία) и славы (δόξα). Продолжая свою мысль, Ясон утверждает, что богатство и талант (даже, например, такой прекрасный голос как у Орфея) ничто, по сравнению с широким общественным признанием какого-то достижения. Медея же хочет ответить ему, что это в прошлом, а в настоящем широкое общественное признание получило то, что она проиграла новой невесте Ясона — Креусе — как женщина. Иными словами, Ясон хочет доказать, что привёл Медею к жизненному успеху, в том числе благодаря приобщению к греческой культуре; Медея же считает это не успехом, а крахом.

Как ни старается Ясон убедить жену, Медея не соглашается, что всем, и ей в том числе, будет хорошо, если Ясон бросит ее и их детей и женится на дочери царя. Ясон говорит софистическими речами, упрекая, Медею в том, что получила больше, чем потеряла. Медея снова подчёркивает, что город глуп, если не видит, что Ясон — негодяй, но блестящий оратор, который умеет искусно скрыть несправедливость в словесной мишуре. Она говорит, что может разрушить его аргументацию всего одним доводом (Eur. *Med.* 584-7), и с этого момента предпочитает утверждать свою правоту меньшим числом слов. Медея может наставлять Ясона, но она хочет не сохранить, а разрушить их дом, а затем и город. Диалог Ясона и Медеи напоминает диалог братьев из трагедии Еврипида «Финикиянки»: когда Полиник говорит Этеоклу, что истина проста, а справедливость не нуждается в тонких толкованиях, тот парирует: если бы все были едины в своих представлениях о чести и мудрости, то на земле не было бы раздоров. И, если уж спор за власть между братьями несправедлив и нечестен, то лучше он будет в нем победителем¹. Этого же придерживается и Медея: когда

---

¹ Вмешавшийся в спор предводитель хора говорит Этеоклу фразу, которая расставляет все акценты в понимании Еврипидом софистики: «Красою слов недобрые поступки / Не прикрывай, царевич, ты не прав» (Eur. *Phoen.* 527-528; пер. И. Анненского). Примерно те же слова Кори-

ей не удастся победить несправедливое слово справедливым, она выбирает иную стратегию и побеждает несправедливое слово несправедливым делом — убийствами Креусы и детей.

Их диалог на время прерывается, но когда возобновляется, Медея просит Ясона не делать изгнанниками их детей и воспитать их (Eur. Med. 939-40). Если бы Медея к этому моменту не решила убить детей, то эту просьбу можно было бы анализировать с точки зрения возможности получения традиционного или альтернативного образования. Ясон обещает, что позаботится о том, чтобы их дети и дети от его нового брака заняли лучшее положение в Коринфе (Eur. Med. 914-921). Это обещание говорит о том, что забота об образовании для Ясона — это забота о жизненном успехе, то есть том, что обещали ученикам софисты. Для Медеи же не так важно, как именно Ясон будет заботиться о детях; важно, что дети признаются им частью новой семьи. Его слова позволяют ей перейти к делам. Еврипид дает понять, что Медея способна убеждать, побуждать и переубеждать, но она проигрывает в этом бою справедливых (несофистических) и несправедливых (софистическая) речей, чтобы выиграть войну.

***Справедливые и несправедливые речи у Аристофана:
традиционное образование vs софистическое образование***

Стрепсиад приходит к Сократу с грузом материальных забот, то есть, образно выражаясь, просит дать знание как пищу не для души, а для тела. Но Сократу нет дела до «голодного» тела гражданина, которое является частью тела города. В «Облаках» образные сравнения учения Сократа с продуктами питания, подозрительным и опасным пиршеством для желудков его учеников, занимают почетное место среди «вездесущих упоминаний о еде и обеде»¹. Аристофан называет педагогику Сократа опасной пищей, которой могут отравиться ученики, а Платон в «Протагоре» также определяет педагогику софистов: приобретающий у них знание идет на риск, больший чем при покупке съестного у лавочника,

---

фей говорит Ясону: «Ты речь, Ясон, украсил, но сдастся / Мне все-таки, меня не обессудь, / Что ты не прав, Медею покидая» (Eur. Med. 576-8; пер. И. Анненского).

¹ Rosenbecker (2003). P. 10.

потому что еда не сразу попадет в тело (ее нужно еще принести домой), а знание сразу же (*Pl. Prt.* 314b). Таким образом, Аристофан и Платон предостерегают от риска интеллектуального аналога пищевого отравления, то есть заботятся о теле гражданина, которое является частью тела города. На этот риск осознанно идет Стрепсиад, превращаясь почти в героя, не щадящего себя во имя великой цели.

Особенности знаниевой пищи проявляются в учебном плане, который Сократ предлагает Стрепсиаду. Одни исследователи считают, что этот учебный план, многое может рассказать нам об афинской дидактике конца V в. до н.э.¹, а другие, напротив, считают, что он лишь показывает разницу между традиционным и софистическим образованием, но не настолько, чтобы стало ясно, какой набор предметов будет предложен молодым людям². Показательно, что аристофановский Сократ лишь ратует за исключение гимнастики, что может быть понято как еще один комический телесный обергон. Риторика не называется главным предметом, а предлагаемое софистическое образование не определено как элитарное и платное (раз к нему имеют доступ обычные и погрязшие в долгах люди вроде Стрепсиада и его сына).

Получи смутное представление о знаниях как пище, которой будет его угощать Сократ, Стрепсиад торопится заявить ему, что всеяден, то есть готов на все. Стрепсиад соглашается считать богами облака, и Сократ начинает обучение³. Однако оно очень быстро завершается: с одной стороны, Стрепсиад готов принять любые абсурдные утверждения, но, с другой стороны, он очень

---

¹ Bromberg (2012). P. 81-91.

² Morgan (1999). P. 47-48.

³ Сократ использует свой знаменитый диалогический метод, указывая на небо и восклицая: «Погляди же сюда, на Парнеф! Началось! Вижу, вижу, спокойно и плавно / К нам нисходят они» (*Ag. Nub.* 323; пер. Адр. Пиотровского). Главный герой сначала несколько раз повторяет, что ничего не видит, а потом, смирившись, говорит Сократу, что немного различает облака. Д. Редфилд утверждает, что театр Диониса был одним из немногих мест в Афинах, откуда Парнеф не было видно, поэтому актер-Сократ показывает актеру-Стрепсиаду на выездную раму на сцене, создавая комический эффект (Redfield [1992]. P. 316).

своеобразно их трактует и почти сразу забывает. В трагедию Еврипида «Ипполит» включен диалог о вреде софистики: когда Тесей осуждает обучающихся бесконечным умениям, Ипполит иронично отвечает ему, что не знает никого, кто учит пониманию непригодных к этому (Eur. *Hipp.*916-924). У Аристофана Стрепсиад как раз и оказывается таким непригодным, которого Сократ не готов учить. Стрепсиад не в состоянии постичь предлагаемые теоретические выкладки, а Сократ не в состоянии изменить содержание образования, исходя из практических потребностей ученика. Стрепсиад мог бы многому научить Сократа относительно физических потребностей, но взаимное обучение в «мыслильне» не практикуется. Д. Кастели акцентирует внимание на том, что среди прочего, речь идет и о сексуальности: тело, прославляемое старым образованием, есть сексуально скованное тело, которое представляет собой угрозу для тела политического¹. Формально Сократ побеждает в словесном агоне со Стрепсиадам, потому что избавляется от этого ученика, но дальнейшее развитие событий показывает, что такого ученика лучше было бы держать под присмотром.

В диалог Стрепсиада с сыном также включены рассуждения об образовании для детей. Стрепсиад утверждает, что проблемы в его семье начались, когда они с женой спорили, выбирая имя сыну и стратегию его воспитания. Жена хотела связать будущее сына и его имя с конными состязаниями, а Стрепсиад хотел назвать его в честь деда и сделать погонщиком коз, каким был сам (Ar. *Nub.*70-2). В результате сын получил странное усредненное имя, а в его дальнейшей жизни, как покажет комическое развитие событий, традиционное и инновационное образование причудливым образом соединятся. Начиная доверительный разговор, Стрепсиад просит сына отказаться от аристократического увлечения лошадьми и пойти в школу Сократа, где учат несправедливым речам (Ar. *Nub.* 56-89). Когда они возвращаются к этому разговору вновь, Стрепсиад уже не просит, а гонит сына в школу. Спор между Правдой (Δίκαιος Λόγος) и Кривдой (Ἄδικος Λόγος), из которого победителем выходит Кривда — это еще один агон между несправедливой и справедливой речью, когда сильный аргумент (в пользу софис-

---

¹ Kastely (1997). P. 33.

тического образования) побеждает слабый (в пользу традиционного), а наставники-софисты и их ученики предстают как потенциальные разрушители города с его обычаями и традиционным укладом жизни¹. В «Облаках» неслучайно сталкиваются два логоса: большинству зрителей Аристофана были известны (хотя бы в общих чертах) подходы Протагора к обучению, а также то, что его прозвище было именно Логос².

Под контролем Сократа Стрепсиад, а затем и его сын выбирают между добродетелью и пороком не в пользу первой. Стрепсиад в дальнейшем осознает свою ошибку и отказывается быть учеником софистов, но убедить сына ему не удается. Первоначально скептически настроенный к софистике, Фидиппид становится ее ревностным последователем. Будучи фанатом верховой езды, он сначала презирает Сократа за «его домашнюю и сидячую жизнь», но вскоре начинает восхищаться им и учится у него «ценить интеллектуальную жизнь»³. Фидиппида больше не смущает бледность и истощенность учеников Сократа, образ жизни которых существенно отличается от его жизни в удовольствиях. Он видит в софистическом учении путь к обогащению и не тратит время на обдумывание, почему его последователи живут в такой бедности. Этот парадокс подчеркивает, что софистическое образование, с одной стороны, не является образованием для простого гражданина, а с другой — не похоже и на образование для элиты, частью которой так хочет быть Фидиппид. Замена Стрепсиада на Фидиппида возникает потому, что понимающий и непонимающий меняются местами: сначала отец не может понять инновационность педагогики Сократа, понятую сыном, а потом сын не может понять опасность этой педагогики, понятую отцом. Неспособность понять в первом случае может рассматриваться как интеллектуальное преимущество.

Фидиппид, попадая в «мыслительную» Сократа быстро перевоспитывается: сначала он понимает как превратить плохой аргумент в хороший и что можно вести себя как заблагорассудится. Стрепсиада ссорится с сыном из-за того, что тот читает отрывки Еври-

---

¹ Kastely (1997). P. 26.

² Papageorgiou (2004). P. 61.

³ Zuckert (1984). P. 277.

пида, подрывающие моральные законы в отдельно взятой семье. Когда Фидиппид бьет отца, тот терпит, но когда угрожает начать бить мать и намекает на нарушение этих же законов в их семье, Стрепсиад взрывается. Вероятно, он «впервые в жизни осознал последствия раньше всех» и решил спасти «семью и города»¹. Фидиппид может быть рассмотрен как «комическая версия Эдипа», добиваясь освобождения от наказания за возможное отцеубийство и прелюбодеяние с матерью, а Сократ — как реальная версия, проживая жизнь в «скитаниях», чтобы опровергнуть некогда данное предсказание оракула².

Еще одно столкновение справедливых и несправедливых речей произойдет в споре отца и сына, где первому придется уступить. Однако отец проигрывает не без боя: ему даже удастся привести Фидиппида к ситуации, когда набор риторических трюков исчерпан и остается только апеллировать к авторитету Сократа (*Ar. Nub.*1432). Стрепсиад пытается образумить сына, но его аргументация должным образом не облекается в речь, оставаясь на уровне молчания и эмоций, поэтому он в дальнейшем откажется от слова в пользу дела. Аристофан акцентирует внимание на том, что Стрепсиад, как и Фидиппид, не является тем, кого испортило софистическое образование; он жаждет приобщиться к нему, поскольку уже испорчен³. Стрепсиад и Фидиппид не наивные малограмотные горожане, которых Сократ вводит в заблуждение. Их несложно обмануть, поскольку они как раз из тех, кто рад обманываться, но только на время. Из союзников они быстро перейдут в противников: комедия «предупреждает Сократа о природе города»⁴, а город — о природе сократической педагогики. У Аристофана демократическое образование оказывается многократно побежденным образованием софистическим, которое предлагает новые техники использования речи для достижения власти. Не останавливаясь подробно на исследованиях о структурном сходстве «Апологии...» и «Облаками», отмечу, что платоновский Сократ

---

¹ Blanchard (2000). P. 427.

² Zuckert (1984). P. 277; 284.

³ Kastely (1997). P. 28.

⁴ Zuckert (1984). P. 278.

держит справедливую речь¹ и проигрывает, а аристофановский Сократ — несправедливую и выигрывает, но эта победа оборачивается поражением.

***Наставники и ученики у Еврипида и Аристофана:
слово vs дело***

Кульминация трагического/комического действия в «Медее» и «Облаках» возникает тогда, когда главные герои понимают, что им не утвердить свою правоту. Проиграв в словесном агоне держателям софистических речей, они переходят от слов к делам. Убийство дочери Креонта и детей является именно таким радикальным ответом Медеи, которая исчерпала слова, но не уладила семейные дела.

Убийство детей становится не только результатом гнева обманутой жены и, как это ни парадоксально, любви прозорливой матери. Медея понимает, что Креонту ничто не мешает жить по закону «око за око»: если она убьет дочь Креонта, он убьет ее детей и убьет так же мучительно, как она убила его дочь. Медея, считающая, что смерть детей predetermined, отдает предпочтение «собственной руке», а не «безжалостной руке дома Креонта»². Иными словами, Медея у Еврипида считает неразумным не отомстить обидчикам, ровно также как поступает Алкмена в трагедии Еврипида «Гераклиды»³. Алкмена держит несправедливую софистическую речь и не проявляет великодушия к Еврисфею — давнему врагу ее сына Геракла. Она софистически⁴ толкует законы города, являя материнскую месть во всей ее полноте и облекая ее в речи о том, что убийство Еврисфея будет на благо детям граждан Афин.

Последняя встреча зрителя / читателя с главной героиней происходит там же, где и первая — перед домом Медеи и Ясона. Одна-

---

¹ Когда Сократа спрашивают, не стыдно ли ему заниматься делом (то есть педагогией), которое грозит смертью, он говорит, что ответит справедливой речью (Pl. Ar.28b). Следовательно, принимает вызов от носителя / носителей несправедливой речи.

² Moline (1975). P. 50.

³ Коначер называет эту трагедию «одной из самых софистических пьес Еврипида» (Conacher [1998]. P. 93).

⁴ Аллан называет это софистическим в платоновском понимании толкованием (Allan [1999–2000]. P. 152).

ко если в начале Медея делает решительный шаг из дома в пространство города, чтобы противостоять обвинениям граждан, то в конце Ясон должен сделать обратное. Медея говорит ему: «В чертог воротись...» (στειῖχε πρὸς οἶκος) (Евг. Мед.1394; пер. И. Анненского). Через это демонстративное указание Медея-жена проявляет некую заботу о муже, которому после всего произошедшего лучше укрыться от города в ойкосе. Это не столько забота-попечение о сохранении его жизни (одна из целого ряда забот о близких людях, к которым Медея уже не относит Ясона), сколько забота-наставление его в дальнейшей жизни (особая забота, которая предполагает действия с опорой на знание). Предлагая мужу шагнуть в дом, Медея намекает, что его удел теперь жить в совсем иной системе координат «полис-ойкос» и набираться мужества, чтобы шагнуть от незнания к знанию, но уже без нее и детей. Это последнее наставление, которое Медея дает Ясону, может быть сведено к совету переосмыслить то, какие речи и деяния являются справедливыми, а какие несправедливыми. После этого Медея улетает из Коринфа в Афины в солнечной колеснице, то есть теперь другой город будет одновременно восхищаться, бояться и желать избавиться от женщины с необычной мудростью и образованностью.

Софистическое образование представлено у Еврипида, как и у Аристофана, как опасная игра для тех, кому не хватает сил, чтобы принять верное решение и отказаться от нее. Эта педагогика с катастрофическими последствиями¹: когда Медея понимает, что его семья разрушена, он принимает решение разрушить новую семью Ясона, которую он пообещал включить и ее детей. Аналогичным образом действует и Стрепсиад, принимающий решение разрушить «семью» Сократа, то есть его школу с учениками.

Аристофану важно показать, что выбор того или иного наставника и типа образования означает выбор нового стиля жизни, от которого в дальнейшем будет очень сложно отказаться. Решаясь на такой отказ, Стрепсиад признает, что он скорее будет оплачивать колесницы, чем быть битым (Ар. *Nub.* 1406-07), возлагает вину на облака и считает себя жертвой неудачной попытки уклониться от уплаты долгов, которую поощрял Сократ (Ар. *Nub.* 1454–1466). Все

---

¹ Blanchard (2000). P. 423.

его попытки исправить ситуацию являются «уходом от ответственности, который характеризовал его первоначальную ошибочную идею возвращать в сына софиста»¹. Поджог школы Сократа, который в конце комедии принимает Стрепсиад, является радикальным решением по избавлению города от этого типа образования. «Эта бурная реакция со стороны простого гражданина против софистического дискурса требует, чтобы место софистики и риторики в демократическом образовании было пересмотрено»². То, что Стрепсиад сам приводит сына к Сократу и просит его выступить в роли наставника, является не только указанием на ответственность, которую несут родители за выбор образовательной траектории для детей. Аристофан здесь старается вменить Сократу ответственность за его педагогическую деятельность, результаты которой подрывают устои полиса. Демократическое образование строится на особой связи гражданина и города, базирующейся на привязанностях «к своему месту, людям, семье, городу»³, а предлагаемое Сократом образование требует отрешения от сего этого. Через комического Сократа Аристофан хочет указать на настоящего Сократа, который своими диалогами с горожанами «годами подрывал авторитет отцов города»; «как и Стрепсиад, отцы города наконец поумнели»^{4/5}.

Таким образом, обращаясь к теме софистического образования, Еврипид акцентирует внимание на полубожественной героине, которая делает шаг из дома в город, чтобы высказаться, а Аристофан — на простом гражданине, которые делает обратный шаг. Общим драматическим приемом является то, что говорящие софистическими речами герои одерживают верх над другими героями, которые, проиграв в словесном агоне, переходят от слов к делам. Выбор в пользу не просто дела, а преступного деяния происходит тогда, когда герои

---

¹ Rosenbecker (2003). P. 118.

² Kastely (1997). P. 25.

³ Zuckert (1984). P. 277.

⁴ Blanchard (2000). P. 428.

⁵ Наконец-то умнеют и настоящие, а не комедийные отцы афинских юношей, когда почти через четверть века инициируется суд против Сократа. Если «Облака» — это обвинительная речь, то «Апология» Платона — защитная. То есть, это ответ Аристофану, помогающий нам понять, почему защита Сократа потерпела поражение. Zuckert (1984). P. 271.

понимают, что волновавшие их проблемы не могут быть решены, даже когда они пытались использовать софистические приемы. Медея и Стрепсиад идут на разрушающие свой ойкос действия, чтобы показать полису опасность софистического образования. У Еврипида и Аристофана софистическое образование предстает как то, что отчасти обесценивает любое образование, поскольку пропагандирует знание, позволяющее долго, но не вечно манипулировать окружающими. Долго, но не вечно, а главное — не безнаказанно.

Материал поступил в редакцию 17.02.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 11.03.2023

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Allan, W. (1999–2000) “Euripides and the Sophists: Society and the Theatre of War”, *Illinois Classical Studies*, 24 / 25, 145-156.
- Blanchard, K.C. (2000) “The Enemies of Socrates: Piety and Sophism in the Socratic Drama”, *The Review of Politics*, 62.3, 421-449.
- Bromberg, J.A. (2012) “Academic disciplines in Aristophanes' *Clouds* (200-3)”, *The Classical Quarterly*, 62.1, 81-91.
- Conacher, D.J. (1998) *Euripides and the Sophists: Some Dramatic Treatments of Philosophical Ideas*. London: Duckworth.
- Criamore, R. (2001). “The Grammarian’s Choice: The Popularity of Euripides’ *Phoenissae* in Hellenistic and Roman Education”, Y.L. Too, ed. *Education in Greek and Roman antiquity*. Leiden-Boston: Brill, 241-259.
- Gregory, J. (2019). *Cheiron’s way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: Oxford University Press.
- Gregory, J. (1999-2000) “Comic Elements in Euripides”, *Illinois Classical Studies*, 24/25, 59-74.
- Gregory, J. (2016) “The Education of Hippolytus”, P. Kyriakou & A. Rengakos, eds. *Wisdom and Folly in Euripides*. De Gruyter, 121-136.
- Harriott, R. (1962) “Aristophanes' audience and the plays of Euripides”, *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 9, 1-8.
- Kastely, J.L. (1997) “The *Clouds*: Aristophanic Comedy and Democratic Education”, *Rhetoric Society Quarterly*, 27.4, 25-46.
- Knobl, R. (2008) *Biographical representations of Euripides: Some examples of their development from classical antiquity to Byzantium*. PhD thesis, Durham University.

- Lloyd, Ch. (2006) "The Polis in Medea: Urban Attitudes and Euripides' Characterization in 'Medea' 214-224", *The Classical World*, 99.2, 115-130.
- Lowell, E. (2006) "What Was Socrates Called?", *The Classical Quarterly*, 56.2, 414-425.
- Mhire, J.J. (2006) *Socrates as citizen? The implications of socratic eros for contemporary models of citizenship*. PhD thesis, University of Louisiana at Lafayette, Louisiana State University.
- Michelakis, P. (2002) *Achilles in Greek Tragedy*. Cambridge: University Press.
- Michelini, A.N. (1997) "Alcibiades and Theseus in Euripides' Suppliants", *Colby Quarterly*, 33.2, 177-84.
- Moline, J. (1975) "Euripides, Socrates and Virtue", *Hermes*, 103.1, 45-67.
- Moore, C. (2015) "Socrates and self-knowledge in Aristophanes' 'Clouds'", *The Classical Quarterly*, 65.2, 534-551.
- Morgan, T. (1999) "Literate Education in Classical Athens", *The Classical Quarterly*, 49.1, 46-61.
- Papageorgiou, N. (2004) "Prodicus and the Agon of the Logoi in Aristophanes' 'Clouds' ", *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*, 78.3, P.61-69.
- Redfield, J. (1992) "Drama and Community: Aristophanes and Some of His Rivals," John J. Winkler and Froma I. Zeitlin, eds. *Nothing to do with Dionysos? Athenian drama in its social context*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 314-335.
- Rihll, T.E. (2003) "Teaching and Learning in Classical Athens", *Greece & Rome*, 50.2, 168-190.
- Rogers, B.M. (2013) "Why Didaskalia?: The Language of Production in (and its Many Meanings for) Greek Drama", *Didaskalia*, 10, 62-69.
- Roselli, K.D. (2005) "Vegetable-Hawking Mom and Fortunate Son: Euripides, Tragic Style, and Reception", *Phoenix*, 59.1 / 2, 1-49.
- Rosenbecker, K. (2003) *Repast and representation: the trope of the culinary in the comedies of Aristophanes*. PhD thesis, University of Pittsburgh.
- Sandridge, N.B. (2012) *Loving Humanity, Learning, and Being Honored: The Foundations of Leadership in Xenophon's Education of Cyrus*. — http://chs.harvard.edu/CHS/article/display/5126#noteref_n.1 (дек., 2022).
- Scharffenberger, E.W. (2007) " 'Deinon Eribremetas': The Sound and Sense of Aeschylus in Aristophanes' 'Frogs' ", *The Classical World*, 100.3, 229-249.
- Scharffenberger, E.W. (2015) Introduction: The Life of Euripides, Rosanna Lauriola and Kyriakos N. Demetriou, eds. *Brill's companion to the reception of Euripides*. Leiden-Boston: Brill, 5-12.

- Scharffenberger, E. W. (2015) Phoenician Women, Rosanna Lauriola and Kyriakos N. Demetriou, eds. *Brill's companion to the reception of Euripides*. Leiden-Boston: Brill, 292-319.
- Seidensticker, B. (1982) *Palintonos Harmonia: Studien zu komischen Elementen in der griechischen Tragodie (Hypomnemata 72)*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Slater, N. W. (1997). Bringing up Father: Paideia and ephebeia in Wasps, *Sommerstein and Atherton, Education in Greek Fiction*, 27–52
- Tarkow, T.A. (1982) “Achilles and the ghost of Aeschyles in Aristophanes' ‘Frogs’ ”, *Traditio*, 38, 1-16.
- Ward, L.A. (2011) *Philosophical Allurements: Education and Argument in Ancient Philosophy*. PhD thesis, Duke University.
- Whitehorne, J. (2002) “Aristophanes' Representations of 'Intellectuals'”, *Hermes*, 130.1, 28-35.
- Wycherley, R. E. (1946) “Aristophanes and Euripides”, *Greece & Rome*, 15.45, 98-107.
- Zuckerberg, D. (2016) Branding Irony: Comedy and Crafting the Public Persona, Philip Walsh ed., *Brill's Companion to the Reception of Aristophanes*. Leiden-Boston: Brill, 148-171.
- Zuckert, M. (1984) “Rationalism & Political Responsibility: Just Speech & Just Deed in the ‘Clouds’ & the ‘Apology’ of Socrates”, *Polity*, 17.2, 271-297.
- Zumbrunnen, J. (2004) “Elite Domination and the Clever Citizen: Aristophanes' ‘Archarnians’ and ‘Knights’ ”, *Political Theory*, 32 (5), 656-677.
- Пичугина, В.К. (2017) “Афинские образовательные реалии в «Всадниках» и «Облаках» Аристофана”, *Психолого-педагогический поиск*. 3.43, 29-41. [Pichugina, V.K. (2017) “Afinskie obrazovatel'nye realii v «Vsadnikah» i «Oblakah» Aristofana”, *Psihologo-pedagogicheskij poisk*. 3.43, 29-41].
- Пичугина, В.К. (2016) “Перевоспитание дочери, жены и матери в трагедии Еврипида «Медея»”, *ΣΧΟΛΗ*, 10.2, 514-536. [Pichugina, V.K. (2016) “Perevospitanie docheri, zheny i materi v tragedii Evripida «Medeja»”, *ΣΧΟΛΗ*, 10.2, 514-536].

Victoria PICHUGINA

EDUCATION IN THE CITY
THROUGH LAUGHTER AND TEARS
SOPHISTIC SPEECHES
IN EURIPIDES' "MEDEA" AND ARISTOPHANES' "CLOUDS"

During the time of Euripides and Aristophanes, innovative pedagogical ideas were discussed in an equally innovative manner. The intellectuals of that era played a significant role in creating an ironic pedagogical triangle consisting of Euripides, Aristophanes, Socrates, and the sophists in classical Athens. Employing tragedy and comedy in varying degrees, Euripides and Aristophanes drew attention to the contrast between traditional and sophistic education, portraying it as a complex problem that could not be easily resolved by an average person. A comparative historical and pedagogical analysis of Euripides' tragedy "Medea" and Aristophanes' comedy "Clouds" revealed another direction for studying the possibilities of mutual penetration of genres. Through the depiction of families with children who were divided into speakers and listeners in the spatial coordinates of the city and home, Euripides and Aristophanes participated in the ongoing debate regarding Socrates and the sophists. Euripides and Aristophanes include in their works agons between the advocates of just (non-sophistic) and unjust (sophistic) speeches, which touch upon educational issues. The main characters lose in these agons and realize that their problems cannot be solved even when they use sophistic techniques. This comprehension compels them to transition from words to actions, resorting to criminal acts to demonstrate the perilous consequences of sophistic education to the polis. A simultaneous historical and pedagogical analysis of Euripides' tragedy "Medea" and Aristophanes' comedy "Clouds" is accompanied by references to other works of Euripides and Aristophanes, as well as by Plato and Xenophon, which contain explicit or implicit references to the teaching methods of Socrates and / or the sophists.